

«Мы ехали спасать Россию», - говорят ликвидаторы о командировке на ЧАЭС

В Железнодорожном отделении Союза «Чернобыль России» вручали медали «В память о катастрофе на Чернобыльской АЭС». Руководитель городского отделения Союза Владимир Сперанский жал руку ликвидатору Борису Дрокину:

- Разрешите поздравить тебя с тем, что дожил до пятнадцатилетия! Надеюсь, что и в двадцатую годовщину у тебя будет такая же крепкая лапа...

За 15 лет, прошедших со дня взрыва на четвертом блоке ЧАЭС, умерли 43 участника ликвидации последствий аварии, 25 апреля похоронили Николая Якунина.

- Что-то как 26 апреля, так у нас похороны...

Это был такой же подвиг во имя жизни на земле, как и во времена Великой Отечественной войны. Только тогда беда пришла со стороны, а здесь она была внутренней, доморощенной, в прямом соответствии с той поговоркой, в которой говорится о двух извечных российских проблемах - дорогах и дураках.

ЧАЭС была первой станцией, вырвавшейся из-под крыла Славского, возглавлявшего тогда Минсредмаш (то же, что и Минатом сейчас). Атомщиков даже к ликвидации последствий аварии привлекли лишь тогда, когда энергетики вместе с Минобороны не смогли ничего сделать даже с уровнем радиации. Одним из первых железногорцев в Чернобыль попал военный строитель, полковник Владимир Сперанский, бывший тогда заместителем главного инженера СПАО СХС. Его назначили начальником 2-го красноярского района ликвидации аварии.

Владимир Сперанский, Александр Жуков и Александр Воробьев вспоминают события 15-летней давности

«Её взорвали не мы»

- Станция эта принадлежала энергетикам. Атомщики не имели к ней отношения. Ее и проектировали не мы, и эксплуатировали не мы, ее и взорвали не мы. Наши станции так взорваться не могут, потому что они все сделаны из монолитного тяжелого бетона, толстые стены 5-7 метров толщины, которые служат и биологической защитой, и в то же время обеспечивают крепость конструкции. Даже при взрыве такие стены должны устоять. А там, начиная с проекта, были допущены грубейшие ошибки. Стены были запроектированы сборно-монолитными, как вафля. Впервые сборность была применена на реакторе. А принцип был один - как будто строили склад или сарай - удешевление и скорость. И вот эта вафельная конструкция развалилась. Вторая грубейшая ошибка - то, о чем очень много говорилось, за что и директор был посажен в тюрьму, и главный инженер, и много других людей, которые эксплуатировали станцию. В нарушение всех норм делали разгон реактора, отключив защиту, производили определенные работы без дозконтроля - целый букет. Даже если бы шпионы этого захотели, то они бы не сумели сделать так, как мы сделали сами. Семидесятиметровое здание разрушилось полностью до отметки примерно 18 метров. Все это частично упало вместе с кранами внутрь реактора и было перемешано с графитовой изоляцией ядерных отходов - такая вот строительно-радиоактивная каша. Часть была разбросана по местности. В зоне реактора уровень радиации доходил до четырехсот-семисот рентген в час. Притом, что триста - смертельная доза, двести - лучевая болезнь. Вот и считайте, в каких условиях пришлось строителям-чернобыльцам потом работать, чтобы построить саркофаг и накрыть место взрыва.

Я прилетел двадцать восьмого мая. Раннее солнечное утро, при подъезде небольшое озерцо, цапля стоит на одной ноге - сама радиоактивная и таких же радиоактивных лягушек вылавливает. Ну идиллическая картина. Коровы гуляют, козы, собаки - живность вся пооставалась. Но животные вели себя неадекватно: собаки как чумовые; белку можно снять с дерева за хвост - никакой шустрости, активность исчезала. А на берегу теплой реки Припяти - город-красавец: каштановая аллея, берега, как в Ленинграде, в граните. Чудо - глаз не оторвешь, но пусто, ни одного человека, и дозиметрия - будь здоров.

С ГХК мы взяли с собой карманные дозиметры, так называемые «скворцы». Они больше рентгена не берут. Потому что два рентгена - годовая доза на ГХК. Так я еще к реактору и близко не подъехал, а он уже у меня заверещал, как сумасшедший. И после этого я его уже не брал. Только карманные накопители, которые общую дозу определяли, но и те зашкаливали. Активность такая была, что в первые дни мы сфотографироваться не могли - пленка засвечивалась. Электроника вся выходила из строя, любые электронные часы через сутки можно было выбрасывать. Работали только пролетарские механические часы.

Было ясно, что никаких могильников делать нельзя, иначе будет новый взрыв. Должно быть инженерное сооружение с системой охлаждения, слежения, то есть - саркофаг. И туда надо всю грязь сначала впихнуть, закинуть и тогда уже заизолировать. А как это сделать, если туда не подойдешь, если там смертельные дозы? Надо технику запускать. Мы к военным: «Где ваши инженерные батальоны? Машины, бульдозеры, экскаваторы?» У них не оказалось ничего из техники, которая может работать в радиоактивной зоне! Я начал задавать вопросы маршалу Огаркову, который был замминистра обороны. Он говорит: «А зачем нам? Это не наша задача». То есть это не задача армии - ликвидировать последствия ядерного взрыва?! Но будет такой же, если взорвется атомная бомба. «Наша задача на технике проскочить через атомный взрыв - и на противника!» - «Да!? Так это я еще перед войной слышал, когда мы кавалерией с шашками шли на танки!»

Вот положение: не на чем подъехать снять дозиметрию. С вертолета опускали, чтобы замерить эти 300- 400 рентген. И облучались. У начальника Киевского военного округа был один танк с освинцованной кабиной, и это давало тысячекратное

снижение радиации. Когда его пригнали, мы на нем впервые подъехали к реактору. Потом появились импортные защищенные краны с телевидением, и мы сумели рассмотреть все в деталях. Надо же было сделать строительные конструкции, готовить опоры, фундамент, ставить перекрытие, балки, все это монтировать, здание делать! И где? Там, где пожарные «наелись» радиации и «сгорели». А мы-то должны были работать прямо в саркофаге. Вот задача. Но тогда ее грамотно решали, ведь у нас ни один рабочий в Минсредмаше не умер, закрыв саркофаг.

Я пробыл два месяца, но к августу было уже невмоготу. Тело все красное, словно на пляже сварился, хотя в робе ходили двойной. Сюда приехал коричневый. Мне говорят: «Ты где загорал?» Дыхалки у всех были обожжены. Говорить не могли. Лепесток лежит на лице, но на нем же сигнала нет, что он уже набрал радиации будь здоров, пока не задохнешься на вдохе. Как будто пламя свечи вдохнул в себя - ожог. И сколько таких ахов за день, а сколько в течение двух месяцев. Я вам могу сказать: мы приехали туда все молодые, здоровые, задача поставлена: «Ура, вперед!» Ну, длинная история, но в конце концов все-таки до реактора добрались. Сделали площадку, чтобы дозы были более-менее. И тогда допустили монтажников.

Первая вахта

Александр Жуков возглавил первую бригаду монтажников МСУ-53, в нее набирали лучших и самых здоровых специалистов.

- Посылали в приказном порядке. Мы комиссию проходили вначале, и мне кожник написал, что нельзя ехать: у меня аллергия, как экзема - мыться нельзя было. Потом на второй день меня опять вызывают в управление: «Саша, если ты сейчас не поедешь в командировку, то послезавтра поедешь как партизан на 6 месяцев!» Вот и все!

- Тайно, что ли, как будто вас там и нет вовсе?!

- Ну, у нас там были такие люди. Мы их называли партизанами, на переподготовку их брали. У нас тут был перевалочный пункт. Вот какое дело было. «Домой, дембель, хочешь? На крышу!» И вот погребки этот графит грязный, тогда обходной дадут. Вот было как! Я все честно рассказываю, ничего не таю.

- Когда вы ехали туда, о чем думали, боялись?

- Нет, я четыре ремонта здесь проводил на реакторе. И не боялся ни здесь, ни там. Только надо было слушаться «дозика». Я до 1973 года в шахте проработал, знал, что такое радиация. В Чернобыль мы приехали семнадцатого августа. За полтора месяца мы смонтировали тысячу тонн металлоконструкций. На монтаже был допуск 6 минут! Все делали бегом. Сначала все расстроилось взрывпакетами. Потом придумали - у нас же все экономить хотели - обойтись без них, чтобы трос не портить. Раз получилось, два, а потом не расстроилось. И кто-нибудь из молодежи лезет в пекло за отгулы в Киев.

- И все равно взрывпакетами уже не пользовались?

- По мере возможности. Ошибка это была чья-то.

- Ошибка чья-то, а...

- ...а страдали люди. О людях не думали - сэкономили! Солдат нагонят тысячу, полторы. И они лопатками второй и третий блоки чистят. Лазают, лазают туда-сюда, как муравьи сверху вниз. И у них нет ни защиты, ничего, у нас хоть лепестки - «намордники» были. Потом мы кашлять вдруг начали. Они крахмалом наполнены, а дышишь - крахмал в дыхательные пути попадает, забивает, и - бух, бух - думали, или воспаление, или что, пока не поняли, от чего это. А врачи следили, кровь брали.

- Тщательно следили?

- Они тщательно следили и тщательно гробили нас. Там надо было дозу взять двадцать пять рентген. У меня книжечка была, в которой я каждый день фиксировал, сколько набрал. Получалось уже сорок восемь, когда я еще за день шесть рентген взял: поднимал блок, пробыл там минут двадцать-тридцать и наелся. «Все, ты разоружен, больше нет допуска!» - «Давайте справку» - «Вы набрали 24,99 - такую справку мы даем, а на больше - нет!» Как так? Вот я первый взял справку, что набрал 27,9. Так я почти до министра дошел, чтобы получить ее. Дошло до того, что меня направили в генетический институт обороны. Они брали кровь с дохлых кошек и птиц для науки. На нас еще с одним парнем выкатили глаза: «Вы что? В первый раз к нам послали людей кровь сдавать. Мы этим не занимались!» И только когда пришел наш генетический анализ крови - у меня он до сих пор хранится - дали мне эту справку, вроде как кровь доказала, сколько я взял рентген. Но в основном не давали этих справок.

- А что сейчас они значат?

- А ничего. Пока, по крайней мере. Может быть, на будущее когда-то. Когда мы узнали про эту справку-то? Я пришел к нормировщику, говорю: «Мне домой пора. Я набрал двадцать рентген» - «Ну, если 25 набрал, то положены льготы». А потом раз - и осекся. А нам 4 тарифа должно было идти. И никому ничего не рассказывали. Даже здесь, у нас. Пришли бумаги по льготам, так они их под сукно положили. Потом уже случайно узнали - и в трест. Главный инженер, Рак, у нас был: «Да, что-то было». - «А что ж вы нам-то не показали?» - «Так я ж там не был». Вот такое отношение.

- Даже здесь?

- Да. Я про данный момент расскажу и все, больше ничего не буду рассказывать. Вот нам камень хотят ставить, стелу открывать. Отпечатал «Союз Чернобыль» такие письма, обращение к спонсорам - ну нет денег в бюджете. Пошли мы в МСУ-53 к Якимову: «Нет денег! И не посылали мы вас!» Восемьдесят восемь человек работали там. Мы вот зашли к ним двое седых, а они смеются сидят, молодые. Может, вы еще их пошевелите, что так относятся. А МСУ-73 ни одного человека не посылало туда, я зашел, отдал это письмо, и они 3 тысячи перевели. Как приятно. А наших спалили.

- Настроение сейчас какое у ликвидаторов?

- Обидно! Очень обидно! Когда посылали - август же был: «Мы вам тут выкопаем и картошку, и все-все-все!» Парень приехал - никто ничего не копал, жена в больнице. Так и остался без картошки на зиму. Полностью наплеватьски отнеслись к людям - лишь бы вышвырнуть. Свое дело он, чиновник, сделал, его больше ничего не касается.

Вторая вахта

На смену Александру Жукову в Чернобыль приехал Иван Воробьев. Его решение было добровольным, но пришлось ему гораздо труднее.

- У нас было партийное собрание. Меня окружил весь руководящий партийный состав, начали уговаривать ехать. Надо. Приехал, а мои люди уже все «сгорели», им уже уезжать. И мне досталась бригада, где люди были со всей России, незнакомые, ничего не знают, не на кого положиться. Все время все сам. Сгорел - ухожу. А они: «Куда? А что мы без тебя делать будем?» Работал по 2 смены каждый день. Мне досталось смонтировать балку длиной 100 метров. Монтировать ее начали в 7 утра. Смотрю - ничего не получается. Надел лепесток и пошел. И с семи утра до семи вечера, пока балку не посадили, я был прямо на площадке. Если будете в музее, посмотрите там фотографию: как раз я с этим намордником, когда эту балку поднимали. Дозиметрист мне после этого сразу: «Все. Больше сюда ни ногой». А в справку эти двенадцать часов не попали. Сколько я схватил-то, а записали 23. Хорошего-то мы ничего не получили. Я ведь на пенсии был, мог бы плюнуть на все и отказаться, а вот совести у меня не хватило, тем более я партийный был. Хотя это неважно, у меня и без этого отношение к работе было такое - чистое. А сейчас нам говорят: «Вы поехали за деньгами». А зачем они нам такие? Да и не было у нас там больших денег.

Когда я работал в Красноярске, то получал почти столько же, сколько в Чернобыле.

- Да, если мы там чего и получили, то нахватали рентген. Смотрите, зря что ли все инвалиды: первая группа онкологии сидит перед вами, вторая, вторая. Что мы, с луны что ли такие свалились? - Владимир Сперанский обводит глазами ликвидаторов.

- Ему обещали присвоить «героя», - Александр Жуков кивает головой в сторону своего друга Воробьева. - Но ничего не дали, меня хоть, когда я приехал, наградили медалью «За доблестный труд». Осчастливили.

- Вместе с Рудаковым из Москвы меня записали на «героя», но он умер, а я так и остался.

- Тебя на «героя», меня на генерала, никто ничего обещанного не получил. Сейчас вот здесь у нас молельный дом. Соберемся, поплачемся, выпьем, - Сперанский смеется, - повоюем за свои права...

Лариса РЕПИНА

Сперанский В. «Мы ехали спасать Россию», - говорят ликвидаторы о командировке на ЧАЭС : [беседа с ликвидаторами последствий аварии на Чернобыльской АЭС В. Сперанским, А. Жуковым, А. Воробьевым] / В. Сперанский, А. Жуков, А. Воробьев ; [записала Л. Репина] // Город и горожане. - 2001. - 26 апр. - С. 7.